

Роальд Сагдеев

АТОМНЫЙ ШПИОНАЖ
И ДОГОВОР О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ
ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Распад Советского Союза, одной из двух военных сверхдержав, создал реальную опасность распространения ядерных технологий. На Западе уже высказывались с тревогой относительно таких крайне нежелательных последствий как использование ядерного шантажа в межнациональных конфликтах, контрабанды расщепляющихся материалов из бывшего СССР и экспорта советских ядерных специалистов в страны с диктаторскими режимами.

До последнего времени эти мрачные сценарии имели скорее теоретический характер. Однако совсем недавно имела место реальная опасность нарушения Договора о нераспространении ядерного оружия, причем возникла она с совершенно неожиданной стороны. В России предполагалось частично открыть секретные архивы, содержащие документы об утечке в Советский Союз информации об американском ядерном оружии в первые годы его разработки. Осуществление этого проекта чуть было не привело к публикации данных, которые первоначально воспринимались как обладающие лишь чисто исторической ценностью, но в действительности могли бы обладать и немалой практической ценностью для государств, стремящихся к созданию собственных ядерных арсеналов.

Существует немалая ирония в том, что такое злоупотребление "гласностью" едва не произошло именно в бывшем Советском Союзе, где всегда чрезвычайно строго блюли свои ядерные секреты. Эта традиция восходит к главному палачу сталинской тайной полиции и одновременно куратору ядерных программ Лаврентию Берии.

Поэтому особенно примечательно, что недавние усилия по обнаружению хотя бы фрагментов материалов о советском ядерном шпионаже 40-х годов были предприняты не русскими либерально-демократическими кругами, а самим бывшим КГБ. Из высказываний участников этой истории следует, что работники спецслужб при этом руководствовались желанием "восстановить" историческую справедливость и добиться признания своих заслуг в качестве подлинных "героев советского ядерного чуда". В свое время органы советской госбезопасности, действительно, оказались в центре тайной деятельности по похищению американских ядерных секретов, так что у них были основания обижаться на недостаточную оценку их вклада в создание советского ядерного оружия. Об этом свидетельствуют недавние интервью бывших офицеров советской разведки, включая и высказывания подполковника Яцкова, когда-то руководившего советской агентурной сетью в Нью-Йорке.

Яцков участвовал в передаче в Советский Союз бесценных чертежей первой американской атомной бомбы, однако его труды на этом поприще были вознаграждены "всего лишь только" орденом Боевого Красного Знамени. Это отличие на несколько порядков уступало наградам, полученным ведущими советскими разработчиками ядерного оружия: из них несколько человек, включая научного руководителя программы Игоря Курчатова и его ближайших помощников Юлия Харитона и Якова Зельдовича, получили по три золотые звезды Героя социалистического труда. Возможно, стремление разведчиков вернуть себе достойное место в истории создания советского ядерного оружия отнюдь не случайно совпало с окончанием холодной войны — временем, когда перемены захватили и сам КГБ.

Пару лет назад в ультрапатриотической прессе, близкой к обществу "Память", например в журнале "Молодая Гвардия", уже появлялись статьи, авторы которых старались доказать, что подлинными спасителями отечества были доблестные русские разведчики, а отнюдь не физики, в силу своего еврейского происхождения по опреде-

лению не способные на истинный русский патриотизм. Политический смысл этих публикаций был совершенно очевиден: в них атаковали либерально мыслящую научную интеллигенцию — один из самых главных двигателей демократической революции в Советском Союзе.

Несмотря на все рвение авторов статей, их утверждения повисали в воздухе из-за отсутствия документальных доказательств. Все архивные материалы, относящиеся к этому "секрету века", по-прежнему хранились за семью печатями, несмотря на желание определенных кругов в КГБ изменить эту ситуацию.

Однако недавняя массивная кампания по раскрытию государственных и партийных архивов дала им новый шанс. С чьего-то разрешения (вероятно, исходявшего из структур бывшего КГБ) Институту истории естествознания и техники Российской Академии наук был передан большой пакет секретных материалов по истории советского ядерного оружия. Нетрудно вообразить радость сотрудников института, лучших в Москве специалистов по истории науки, внезапно получивших столь царский подарок. Всего институт получил около трехсот документов, датированных 1942-1949 гг. (эти сведения получены автором от профессора Игоря Головина, с 1946 по 1960 г. работавшего заместителем директора Курчатовского института).

Полученные документы содержали информацию различной степени важности, хотя для историков материалов там более чем хватало. Когда работавшие с этими данными специалисты закончили их изучение, они, естественно, захотели опубликовать полученные ими результаты в своем профессиональном журнале "Вопросы истории естествознания и техники".

По чистой случайности, гранки уже полностью подготовленной к печати статьи о ранней истории советского атомного проекта попали к нескольким физикам, включая уже упоминавшегося Игоря Головина. Многие из материалов, на которых была основана эта работа, были ему известны, но даже он был удивлен, увидев их все собранными воедино. Во время работы над советской

атомной бомбой лишь три человека имели неограниченную возможность знакомиться с этими данными по мере их поступления: Сталин, Берия и Курчатов. Все прочие участники проекта получали лишь столько информации, сколько им было абсолютно необходимо для работы — все, что можно было засекретить, засекречивалось. В итоге тройка всезнающих хозяев проекта установила своего рода неписаный закон внутреннего нераспространения ядерных секретов.

Курчатов использовал получаемые из Америки разведанные двояким образом: для контроля и дополнительной проверки результатов его собственных сотрудников и для оценки вероятности того, что американские материалы содержат ложные сведения, специально заложенные туда для дезинформации. В кругах ведущих участников атомного проекта ходили легенды о том, как физики-теоретики из группы Курчатова, занимавшиеся расчетами первого советского уранового реактора, приносили ему свои только что законченные вычисления. Согласно этим рассказам, он смотрел на заключительные формулы, затем открывал свой сейф, сравнивал их с аналогичными американскими результатами, и говорил: "Нет, здесь у вас ошибка, нужно заново повторить все вычисления".

Некоторым физикам разрешалось знакомиться с американскими документами, но только с теми, которые имели прямое отношение к их собственным исследовательским темам. Так, одному из ведущих участников проекта Льву Арцимовичу показали данные по электромагнитному разделению изотопов, а другой помощник Курчатова, исключительно сильный экспериментатор Исаак Кикоин получил доступ к сведениям по технике разделения изотопов в центрифугах. Позднее группа Кикоина настолько улучшила эту технику, что, как считается, сама стала мировым лидером в этой области.

К чему же могла бы привести публикация документов из советских ядерных архивов? Речь тут должна идти о чем-то куда более важном, нежели сравнительные заслуги физиков и разведчиков. Технологии, приме-

нявшиеся для производства ядерного оружия, и сегодня представляют несомненный интерес для стран, желающих стать его обладателями, и именно защищенность этих технологий была поставлена на карту. Информация о технических деталях первой атомной бомбы могла бы содержать ценные сведения, облегчающие разработку аналогичного оружия. Более того, старую конструкцию было бы даже легче воспроизвести в какой-нибудь стране третьего мира, чем более современную. Режим вроде хусейновского был бы счастлив иметь такие материалы.

Физики из Арзамаса-16 поняли, какого рода сведения могут просочиться в открытую печать. Они немедленно запустили еще одну цепную реакцию, только на этот раз не ядерную, а телефонную. Головин позвонил академику Юлию Харитону, совсем недавно ушедшему с поста директора этого исследовательского центра. 87-летний академик, все еще пользующийся несомненным влиянием среди ядерных физиков, сразу оценил всю потенциальную взрывоопасность подготовленной статьи. Он, в свою очередь, связался с руководителем Минатома и бывшим сотрудником Арзамаса-16 Виктором Михайловым. В итоге было решено запретить распространение выпуска журнала "Вопросы истории естествознания и техники", содержащего эту статью. Интересно отметить, что формальное постановление об этом было санкционировано службой внешней разведки Российской Федерации.

Хотя удалось не допустить поступления журнала в обращение, шум об "утечке" атомных секретов уже разнесся. По словам Головина, работавшие с архивными материалами историки признали, что они, предвкушая сенсационную публикацию, послали копии гранок в несколько газет, включая "Вашингтон Пост". Соответствующие российские власти без особого шума попросили редакции воздержаться от публикации любых технических деталей, которые могли бы создать угрозу утечки секретных данных по ядерным технологиям. В появившихся публикациях все такие сведения, действительно, были опущены; вместо этого акценты были сделаны на высказы-

ваниях подполковника Яцкова и его коллег из разведки. Впрочем, никаких новых имен осведомителей советской разведки в печать не проникло: информация этого рода так и не вышла из ее архивов.

Могли ли эти данные, если бы они были обнародованы, реально помочь режимам, желающим создать собственное ядерное оружие? Как мне кажется, на этот вопрос следует дать положительный ответ. Но, возможно, стоило бы также задуматься над тем, насколько важными оказались похищенные американские секреты для развития советских ядерных программ. Покойный академик Сахаров, тоже трижды Герой социалистического труда (эти награды были им получены за разработку термоядерного оружия) высказывался по этому поводу довольно скептически: "Единственный секрет атомной бомбы состоял в том, — сказал он как-то на семинаре в моем институте, — что ее вообще можно сделать". С другой стороны, по мнению академика Арцимовича, американские данные сократили работы над советской атомной бомбой примерно на год.

Здесь уместно вспомнить о психологическом эксперименте, задуманном летом 1945 г. Гарри Труменом и Уинстоном Черчиллем: во время Потсдамской конференции они сообщили Сталину о только что проведенном испытании первой американской атомной бомбы. Однако Сталин выслушал сообщение о создании нового небывало мощного оружия с каменным спокойствием. В одной из подготовленных для публикации в "Вопросах истории естествознания и техники" статей дается объяснение этому подозрительному безразличию Сталина. В центре этой статьи было описание главного документа из архива разведки, якобы содержащего подробный чертеж первой американской плутониевой бомбы, взорванной 16 июля 1945 г. на плато Аламогордо. Трумен и заподозрить не мог, что секрет этой бомбы стал известен Сталину еще до того, как о нем узнал он сам (Трумену доложили о ядерном проекте лишь после того как он неожиданно сменил Франклина Рузвельта на посту президента).

Первая советская атомная бомба, испытанная в августе 1949 г., была тоже плутониевой. Было ли это совпадением? Пока что нельзя с уверенностью сказать, видел ли до этого чертежи и схемы американской бомбы Юлий Харитон, бывший в те годы научным руководителем Арзамаса-16, где советская бомба была сконструирована и собрана. И вот через сорок семь лет после американского испытания, получившего кодовое имя "Тринити", он должен был решить, можно ли опубликовать историческую работу, в которой воспроизводились эти документы.

Даже небольшая часть этой закулисной истории, просочившаяся в средства массовой информации, создала сложности для российских властей и подтолкнула ведущих ядерных физиков выступить в защиту своей поставленной под сомнение исторической роли в создании советского ядерного оружия. Возможно, именно поэтому правительство сочло необходимым предложить публике собственную интерпретацию событий прошлого. После нескольких недель колебаний и подготовки по первой программе телевидения 19 ноября 1992 г. была показана передача, которую можно считать официальной версией "создания российской бомбы".

После слов ведущего "А теперь перейдем к обсуждению очень деликатного вопроса о том, кто же у кого похитил атомные секреты", на экране появился сам академик Харитон, пожаловавшийся, что средства массовой информации публикуют высказывания "некоторых товарищей" о том, что советские физики якобы не изобрели сами ничего стоящего, получив ядерные секреты на блюдечке от сотрудников разведки. После этого ведущий сослался на Клауса Фукса, передававшего советским агентам ценнейшую информацию об американском атомном проекте, отметив при этом, что предоставленные Фуксом сведения сократили сроки разработки советской бомбы как минимум на два года. Он подчеркнул бескорыстие Фукса и отметил, что некоторые американские физики с самого начала настаивали на сотрудничестве с СССР в сфере ядерных исследований. Столь авторитетное, ис-

ходящее непосредственно из Арзамаса-16, признание роли американских данных ("сократили сроки разработки как минимум на два года") было сделано впервые.

Эта историческая дуэль науки со шпионажем разыгралась и применительно к созданию водородной бомбы. Здесь высказывания ряда "товарищей" из разведки были также поддержаны Яцковым, причем уже после того, как ультрапатриотическая пресса успела лишить Андрея Сахарова лавров создателя советского термоядерного оружия, приписав эту роль опять-таки КГБ. В той же передаче 19 ноября Харитон категорически отклонил все спекуляции такого рода. Признав, что американцы первыми (в 1954 г.) испытали водородную бомбу, он подчеркнул, что первая советская бомба, взорванная в 1955 г., была разработана совершенно независимо.

Хотя российские власти продолжают строго охранять основные секреты создания ядерного оружия, доступные публике высказывания некоторых главных участников тех событий содержат легко обнаруживаемые расхождения и сдвиги в акцентировке. Я не буду обсуждать свой непродолжительный опыт работы в Арзамасе-16 в 1955 г., однако в заключение поделюсь собственными выводами, относящимися к истории советского водородного оружия.

1. Подполковник Яцков признает, что американские доброжелатели сразу же и полностью прекратили сотрудничество с советской разведкой после августа 1949 г. Очевидно, они расценили успешное испытание советской атомной бомбы как доказательство того, что они сами вполне выполнили свой "моральный" долг помочь Советскому Союзу в восстановлении ядерного паритета. Тем не менее, Яцков настаивает на том, что он все же успел передать в Москву секрет будущей водородной бомбы.

2. Андрей Сахаров, присоединившийся к группе разработчиков термоядерного оружия в 1948 г., обнаружил, что первые работы в этой области были основаны на неверной идее, и потому не могли привести к успеху. В своей автобиографической книге он отмечал, что

сначала в Советском Союзе пытались разрабатывать раннюю американскую концепцию осуществления термоядерного взрыва, похищенную разведкой, — как оказалось впоследствии, совершенно ошибочную. По всей вероятности, именно эта модель, автором которой считается Эдвард Теллер, и была получена Яцковым в годы его работы в США. В своей книге Сахаров описывает напряженные, но бесплодные попытки арзамасских физиков по осуществлению этой идеи. Позднее Сахаров развил совершенно новый подход к этой проблеме, который и привел к практическим успехам.

В этом смысле все усилия советской разведки по получению информации об американских термоядерных разработках оказались не только бесполезными, но фактически привели к результатам, обратным ожидавшимся. Возможно, это дает основание вздохнуть с облегчением: ведь если данные из советских секретных архивов, относящиеся к так называемым секретам американской водородной бомбы, будут тем или иным образом опубликованы, они не нанесут особого ущерба международной безопасности и не поставят под удар Договор о нераспространении ядерного оружия.

* * *

Хотя российским властям и удалось предотвратить публикацию технических данных о первой американской атомной бомбе, сам этот инцидент наводит на нелегкие размышления. Политический хаос, ослабление дисциплины и невероятное усиление коррупции в бывшем Советском Союзе уже вызвали во всем мире серьезную озабоченность относительно охраны ядерных технологий. Как показывает вся эта история, режим нераспространения может нарушаться совершенно неожиданным образом. Сам Договор о ядерном нераспространении также открывает немало возможностей для обхода содержащихся в нем запретов посредством экспорта вспомогательных ядерных технологий. Приближается 1995 год, а с ним — заключение нового договора. В свете этого и в свете глубоких гео-

политических сдвигов, происходящих в наше время, проблема обеспечения нераспространения ядерного оружия заслуживает нового серьезного изучения.